

МАСОНСКОЕ УЧЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ

Рассматривается проблема формирования общественных идеалов и их опосредованного отражения в эпохальных явлениях мысли – философских и этических системах, религиозных и мистических учениях. Анализируется духовное наследие русского масонства XVIII столетия. Доказывается, что философские и религиозно-этические воззрения «вольных каменщиков» были своеобразной компиляцией просветительских и христианских идей. Констатируется, что на этой основе русские масоны выработали сословную модель морали и социального поведения, отвечающую потребностям общественного развития.

Ключевые слова: природа общественных идеалов, христианская этика, просветительская философия, масонское учение.

Французская революция обострила коренной вопрос бытия и сознания: становилось очевидным, что «ничто не может остановить сего ужасного предвозвестника истины» [3, с. 26]. Масонство, бывшее до сих пор «игрушкой праздных умов», обогатившееся достижениями секуляризированной философской мысли, указывало пути достижения великой цели – «истребления зла в мире и обществе». На этой заемной, чужой и чуждой по культуре основе вырабатывались собственные оригинальные, скорее разрозненные и случайные, нежели цельные и последовательные, представления и взгляды на природу, человека и общество. Христианский «свет разума» подменили рассудочным доктринерством деизма, дошли до крайностей вызывающего атеизма. Подвергалась сомнению вера в Бога, оспаривались принципы монархической власти, высмеивались вековые устои, старые обычаи и образы жизни.

Философские, этические и религиозные идеи русского масонства формировались под воздействием западноевропейского просветительства. Обостренно осознавая несовершенство и несправедливость сословного общества, масоны полагали источником зла не порочную систему общественных отношений, а испорченность «натуры» человека. Непонимание причинно-следственных связей между «должным» и «сущим», неудовлетворенность отдельными сторонами и явлениями реальной действительности зачастую выливались в мистические искания, что объясняется зыбкостью духовных идеалов дворянства (в массе своей малообразованного, систематического образования не имели лучшие его представители). Они страшились революционных преобразований, которые вскоре обрушат старый мир; дворянское воспитание удерживало их от насильственных мер и решений. Масонское вольномыслие отличалось от беспощадного критицизма «вольтерьянцев» и тем более не имело ничего общего с политическим радикализмом «якобинцев». Официальной церковной морали и рационалистической этике Просвещения масоны противопоставили довольно эклектичную, но самостоятельную систему нравственного самосовершенствования и самопознания, одной из главных своих задач они провозглашали «улучшение» человека. Масонское учение привлекло к себе немало передовых людей своего времени.

Философские воззрения масонов – результат своеобразной сакрализации просветительства, где буржуазную идеологию замещает мистическое «тайное знание». Хранители его – «избранные» люди. Деятельность масонских лож осуществлялась на основе весьма тщательно разработанных «капитулов», обстоятельно продуманных пышных церемоний и сопутству-

ющей им красочной символики; «союзы братьев» уподоблялись средневековым рыцарским орденам. В древних установлениях, религиозных культах и мистериях, легендах и баснословных сообщениях историков прошлых веков, порой граничащих с выдумкой, они искали «правды мира сего». «Философия чувств» Ж.-Ж. Руссо (как и основывающаяся на ней оригинальная педагогика) пришлась по душе многим, далеко не равнодушным к тому, что происходило вокруг них и что творилось в головах современников. Природа никогда нас не обманывает, мы всегда сами обманываемся; человеческое мышление имеет свои пределы, число истин столь же неисчерпаемо, как число заблуждений. Все дела, первостепенные и мелкие, и все человеческие работы, физические и духовные, следует оценивать по «осязательному отношению» к пользе самого человека, к его благополучию. Человек не имеет врожденного знания о добре, но, как только разум дает ему первоначальное познание добра, совесть заставляет его любить добро.

Именно эти идеи сформировали своеобразный религиозно-нравственный христианский по духу катехизис русских масонов. Несомненна евангельская основа масонского общественного идеализма: мир есть «тлен и суета», нетленна лишь добродетель, любовь к ближнему, другу есть единственный способ борьбы с пороком. Познание себя, самоусовершенствование, вера в истинного Бога и покаяние – вот практические пути, которым должны следовать «вольные каменщики». Человек, носящий в себе частицу Духа Святого, был тем идеалом, которому доступно проникновение в тайну вселенной и бытия Божьего. Надо любить ближнего, помогать ему, защищать его, просвещать и спасать падшего человека. Нужна внутренняя живая вера, настаивал один из основателей русского масонства И.Г. Шварц, «следование Христу». Мистическое проникновение в тайны бытия разнилось по «степеням»: одни ближе становились к миру духов, другие дальше, но путь к истине, как подчеркивал И.В. Лопухин, один: «дух истинного христианства» [4]. Однако «спасение» человека путем формального обряда – ложное решение этой непомерной задачи. Собственную жизнь надо строить согласно «братскому» идеалу, выражающемуся в любви к людям, помощи ближним, нужно неукоснительно придерживаться и других христианских добродетелей. Предпочтительна гармония души и тела, тогда земная жизнь законна и необходима, ибо цель ее – построение «внутренней Церкви» в самом себе и деятельное участие в «устроении» миропорядка общими усилиями человечества. Таково масонское «предписание».

Русский ум стремится сочетать рассудочность с набожностью, веру со знанием. В

русском характере, отмечалось не раз, сходятся противоположные устремления, не поддающиеся гармоничному соединению и согласованию: предельно чуткое отношение к природному бытию, любование природным миром и одновременно «прозрение» высшей, божественной реальности, определяющей подлинное в человеке и его жизни. Своеобразная религиозно-этическая концепция «вольных каменщиков» основывалась не только на христианской заповеди любви к ближнему своему, призыве к *трудам праведным* и очищению от грехов покаянием, но и на тезисе о «естественной природе» человека. Этика долга теоретически обосновывала достоинство внутренне свободного человека, сумевшего возвыситься над преходящей повседневностью. Эти «вольнодумные» идеи чрезвычайно увлекали масонов (служилых дворян, тяготившихся службой и светскими обязанностями), колебавшихся в выборе авторитетов и пытавшихся сочетать совсем не схожие принципы стоической и эпикурейской морали.

«Истинная религия», противостоящая атеизму просветителей, явилась результатом глубокого переосмысления традиционных конфессиональных принципов христианского вероучения. Русские масоны надеялись обрести такую веру, которая одновременно противостояла бы церковной ортодоксии и при этом помогала бы бороться против распространения кощунственных идей. Высшим благом провозглашалось достижение внутренней свободы, обеспечивающей полную независимость от внешних условий существования, путем длительного самовоспитания и самосовершенствования, а также перестройки своего внутреннего мира в соответствии с возвышенными идеалами масонского «братства». «Истинное счастье» зависит от нас самих, надо направить человека к добру, развивать разум наукой и просвещением, развивать духовные силы. Подлинная свобода («от страстей, а не от начальства») предполагает возвышение над внешними обстоятельствами, освобождение от власти всяких страстей, способных поработить человека. Преобразования социально-политического характера не имеют решающего значения в силу того, что освобождение от внешних тягот вовсе не дает желанной внутренней свободы; истинно же свободный человек ощущает себя таковым «будучи закован в цепи». Незыблемыми признавались феодальные права крепостного владения и другие дворянские привилегии: как и в природе, в социальном мире должна существовать иерархия подчиненности. Общественное благо означает одинаковое участие к «последнему пастуху» и «первому вельможе». Несчастье, порой выпадающее на долю смертного человека, следует принимать как благоприятный предлог к самосовершенствованию. В масонской

среде чрезвычайно ценилась известная книга И. Масона «Познание самого себя», переиздавались ее переводы, всевозможные подражания («утешение философией» – давняя традиция мысли).

Моральные нормы, подобно общественным институтам и национальным традициям, не могут быть результатом рационального сознания (Д. Юм писал, что правила морали не являются заключениями нашего разума). Система ценностей вырабатывается каждой эпохой, она обусловлена высшими целями национального сообщества и вполне прагматичными целями отдельного индивида, но в основе ее лежат некие «священные принципы» (базовые ценности). В атмосфере надвигавшихся революционных перемен христианство все еще было надежной опорой «пошатнувшемуся рассудку». Переживший ужасы революции, выстрадавший свои убеждения Р. де Шатобриан назвал порвавшего с христианской религией человека «обломком греха и смерти» [6, с. 215]. Французские роялисты найдут прибежище в России, оплоте абсолютизма и самодержавия; русское общество сострадало изгнанникам и разделяло их убеждения. Умонастроения русских масонов сильно изменились (начатье Екатериной гонения на масонов затихнут при ее внучке Александре, поговаривали, что сам император принадлежал к «вольным каменщикам»).

Французская революция, разрушившая до основания привычный «старый порядок», означала распад органического общества, политическую легитимацию интересов «индивидуального разума», следовательно – хаос и террор, беспорядок и беззаконие, произвол и деспотизм разнузданной толпы. Добродетели были отброшены за ненадобностью, «мудрость отцов», высмеянную и обоганную, заменили циничными суждениями и революционными речами самозванных «друзей народа». Вопрос о том, насколько в этом эпохальном «помрачении умов» повинны сами масоны, так или иначе готовившие вместе с просветителями революцию, остается до сих пор открытым. Однако очевиден и тот непреложный факт, что масонство всеми силами противостояло революции. Веками накопленный «капитал народов» противоречил ужасающим принципам индивидуально (буржуазно и демократически) понятного «естественного права».

Французская революция русских масонов ужаснула. Сочинения вольнодумцев, возмущался И.В. Лопухин, очерняют «самого Царя царей» [4, с. 56]. «Несчастливая» Франция, – восклицал М.И. Кутузов, – приносится в жертву ложной философии, она в руках отвратительных чудовищ [1, с. 199]. Обострился интерес к православию и национальным истокам; теперь «простодушные предки» приводились в пример юношеству, напрасно ищущему добродетели в чужих кра-

ях. Влияние Запада на Россию масоны считали гибельным; они были убеждены, что именно из нашего Отечества «прольется свет истинного просвещения» (этот патриотический тезис станет основополагающим для славянофилов).

Масонские системы реализовывали духовные потребности, не находившие себе удовлетворения в повседневной жизни. Братство «вольных каменщиков» выполняло определенные психотерапевтические функции, сублимируя неудовлетворенность человеческих потребностей и переориентируя их на другие реальные объекты и иллюзорные цели. Масонские ложи были местом общения, мистические «иероглифы» отнюдь не заменяли человеческие связи, взаимопомощь и круговую поруку. Популярность «критического направления» просветительской философии в России после Манифеста 1762 года В.О. Ключевский объяснял так: «У нас было немало умных и благомыслящих людей, которые, становясь у дел, понимали, чем могут воспользоваться из содержания этой философии политика, право и общечитие» [2, с. 57].

Природа ценностей и общественных институтов, их органический характер и опасность небрежного и произвольного отношения к ним – столь очевидные для консервативной мысли вещи не заботили «пылкие» умы просветителей. «Энциклопедизм» означал поверхностное восприятие множества феноменов, фактов и проблем, человеческий ум приучался к пресловутой «оперативности», размениваться по мелочам, не вникая особо в содержание знания. В трактате «Духовный рыцарь» (1791) И.В. Лопухина резко осуждались «духовные сластолюбцы», стремящиеся к наукам. Мировоззрение русских масонов включало в себя столько пережитков «седой старины», что эти элементы явно подавляли другие, заимствованные из просветительских книг. В общественных вопросах русские «вольные каменщики» и «розенкрейцеры» придерживались «обрядности христианской, православной». Различие между двумя главенствующими умонастроениями эпохи – просветительством и масонством – глубоко и принципиально; реконструируемая библиотека русских масонов состоит преимущественно из богословской литературы, догматической, богослужебной и проповеднической, сама фразеология их собственных «писаний» разительно отличается от жанрово-стилевой модели просветительских сочинений. Понятна категоричность императрицы Екатерины в оценке содеянного «кавалером» Радищевым; строгость приговора определена содержанием его книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное к властям уважение» [5, с. 61]. Характерно признание Новикова, что

пострадал он за издаваемые «мерзкие» книги; однако гордился распространением их. Через «труды просвещения», воспитанием «внутреннего человека», работой над «диким камнем» масоны надеялись осуществить исправление всего общества.

Масоны считали, что неразрывно связанная с истиной «божественная мудрость» древних была утрачена потомками; наука же способствует лишь увеличению заблуждений ума, укоренению в мире зла. Масонское учение, существующее «от начала веков», возрожденное «в откровении Спасителя», должно вооружить «вольных каменщиков» необходимыми знаниями и умениями; они же, давши клятву служения истине, возвратят человечество к утраченному «блаженству Эдемскому». В самом человеке заключен и источник наслаждения, и источник страданий; от самого человека зависит, каким он может стать благодаря самопознанию, самосовершенствованию и самовоспитанию. Человек («ветхий Адам», созданный по образу и подобию Божьему) способен переделать собственную греховную природу, более того, он должен помогать в этом нуждающимся в поддержке «братьям».

По прошествии времени наряду с умеренным течением в русском масонстве возникло радикальное движение. Это – будущие декабристы, принадлежавшие к старым масонским ложам и к новообразованным тайным обществам. Основные положения масонской этики в их трактовке обрели совершенно иной характер, прежние религиозно-нравственные идеалы отошли на второй план. Возмущавшие на полях кровопролитных сражений молодые офицеры из заграничных походов привезли моду на «мировую скорбь», равнодушие к вопросам веры. Они бравировали своим «якобинством», готовность к самопожертвованию в борьбе за осуществление политических идеалов рассматривали главным качеством «вольного каменщика» (царубийство объявлялось гражданским подвигом, семейные и дружеские узы – помехой борьбе, верования народа – заблуждениями, вера – пережитком прошлого). Такое развитие декларируемых идей резко противоречило основам масонской идеологии. Масонское учение «избегания зла» выражало подспудные тенденции общественного развития; эта философия и основывающаяся на ней идеология были своеобразной ответной реакцией здравомыслящих, консервативно настроенных кругов, достаточно близких к верховной власти и при этом не скрывавших своей оппозиционности на успехи распространения в России просветительских идей. Отечественный культурный и религиозный опыт позволял выработать самостоятельные взгляды и независимые суждения по самым

насушным вопросам бытия и человеческого духа.

Русская мысль никогда не останавливалась на «объективных» достижениях; даже в своих «западнических» проявлениях (Чаадаев) критически воспринимала исторически мельчавшие «абсолюты» западной философии, ориентировалась на принципиальные вопросы бытия, ставя и разрешая их глубоко и бескомпромиссно в контексте собственной традиции. Раскрепощенный русский ум устремлен в «высь поднебесную». Русскую ментальность отличают известные противоречия; синтез вовсе не означает «усреднения» этих качеств, тем более взаимного уничтожения, либо торжества одного над другим; целостность, единство парадоксальным образом заключено в обоюдном обострении всех этих «антиномий». Сама русская традиция со своим метафизическим содержанием и мифологическим мышлением преодолевает интеллектуальную энтропию современного мира (однообразие европейской культуры не может «прельстить» наш ум). В нашей истории пересеклись и обнажились наиболее существенные моменты эзотерической истории человечества, скрытые или искаженные в других цивилизациях и культурах. В русской философии православие, «корень и основание» русской культуры (И.А. Ильин), сыграло решающую роль; только благодаря религиозному опыту мы можем придать нашему мирозерцанию окончательную завершенность и раскрыть сокровенный смысл вселенского существования. Россия всегда была «благодатной нивой» для развития философской мысли (трудные времена, необходимость перемен, преследование инакомыслящих, несогласие с идеологией господствующего режима, резкая смена приоритетов развития и общественной парадигмы – все это требовало новой теории, порождало интеллектуальный протест). В сложный, переломный период истории Отечества русские масоны, стремившиеся выправить изъяны личной и социальной жизни, преодолевая «злоупотребления разумом», обращаясь к «премудрости Господней», хотели достичь «вечного благополучия и истинного блага» для себя, «братьев» и целого человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915.
- [2] Ключевский В. О. Литературные портреты. М., 1991.
- [3] Крылов И. А. Сочинения. М., 1956. Т. 1.
- [4] Масонские труды И.В. Лопухина. М., 1913.
- [5] Русская журналистика в документах: История надзора. М., 2003.
- [6] Шатобриан Р. де. Замогильные записки : пер. с фр. М., 1995.